

Детский сад — эпизод 3 из 3

Один из его сослуживцев, копиист Цытронов, считался очень светским человеком, потому что посещал трактир «Юг» и читал единственную городскую газету — «Непогрешимый». Он как-то, не то шутя, не то серьезно, сказал Илье Самойловичу:

— Вот если бы про этот пустырь продернуть в фельетоне, тогда было бы дело другого рода... Вы не читали никогда фельетонов «Скорпиона»?.. Какое перо! Так прямо и катает: у Николай Николаича, мол, гордая походка и левое плечо выше правого. Ядовитый господин!

Скрепя сердце переступил Илья Самойлович порог редакции (в думу он шел гораздо смелее). В большой комнате, пахнувшей резиной и типографской краской, сидело за столом пять косматых мужчин. Все они выстригали из огромных куч газет какие-то четырехугольные кусочки и зачем-то наклеивали их на бумагу.

Как ни добивался Илья Самойлович, чтобы ему показали «Скорпиона», он не успел в этом.

— Скажите сначала, зачем вам его надо, — говорили ему косматые мужчины, — разве вы не знаете, что псевдоним сотрудника есть редакционная тайна?

Однако, когда Илья Самойлович рассказал им свой заветный проект, косматые мужчины сделались откровенны и обещали Бурмину свое покровительство.

А Сашенька уже не вставала с кровати и лежала в ней бледная, вытянувшаяся, с носиком, заострившимся, как у мертвеца.

— Хочу в садик, папочка, в садик, скучно мне, папа, — твердила она тоскливым голосом.

Может быть, ее больной организм инстинктивно жаждал чистого воздуха, подобно тому как рахитические дети бессознательно едят мел и известь?

Бурмин старался согреть поцелуями ее худенькие, холодные руки и говорил ей неожиданные трогательные слова, которые становятся такими смешными в чужой передаче.

Весной, когда иссохшие герани потянулись опять к солнцу, Сашенька умерла. Подвальные бабы обмыли ее и обрядили и положили сначала на стол, а потом

в гроб. Илья Самойлович точно окаменел. Он не плакал, не произносил ни слова и не отводил глаз от маленького бледного личика.

Только в день похорон, когда убогая процессия проходила мимо пустыря, он немного оживился. На пустыре копошились с лопатами десятка два рабочих.

— Что же это такое? — спросил Илья Самойлович Яковлевну, свою соседку по подвалу, торговавшую на базаре селедками.

— Чи я знаю? — ответила Яковлевна сквозь обильные слезы. — Кажут люды, що якыйсь садок тут поставлять. Дума... чи як ей?..

Тогда Илья Самойлович вдруг прерывисто вздохнул, перекрестился, и громкие облегчающие рыдания неудержимо вырвались из его груди.

— Ну, вот и слава богу, и слава богу, — сказал он, обнимая Яковлевну. — Теперь и у наших деточек свой садик будет. А то разве нам можно на конках ездить, Яковлевна? Ведь это не шутка — сорок четыре копейки туда и обратно.